

УДК 37.034

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1002-0038

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «КРЫЖОВНИК»)

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 921700

SPIN: 1329-2486

ORCID: 0000-0001-7162-9162

ScopusID: 57211374812

САТИНА Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент Департамента
иностранных языков и межкультурной коммуникации
Финансовый университет при Правительстве РФ
(125993, Россия, Москва, Ленинградский просп., 49, e-mail: TVSatina@fa.ru)

Аннотация. Тема статьи касается важнейшей составляющей дидактики – воспитания. Предпринята попытка на примере рассказа А.П. Чехова «Крыжовник» раскрыть возможности нравственного воздействия русской классической литературы на обучающихся, что стало целью статьи. Произведения художественной литературы содержат духовно-нравственные ориентиры для многих поколений людей. Значение постановки нравственных вопросов в произведениях русских писателей XIX века не потеряно и сегодня, так как многие из вечных вопросов по-прежнему возникают в умах подрастающего поколения, а классическая литература предлагает ответы на них. Для решения конкретных задач производится детальный, всесторонний анализ текста рассказа «Крыжовник» – в контексте отечественной литературы, творчества и биографии А.П. Чехова. В статье доказывается, что, изображая жизнь обычных людей, писатель даёт нравственную оценку новых для литературы тем (воздействие среды на формирование характера и мировосприятия человека; футлярность как рабство души; убийственная сила мелочей жизни). Автор статьи убеждён, что осознанное чтение рассказа поможет обучающимся скорректировать своё отношение к духовно-нравственным проблемам.

Ключевые слова: воспитание, нравственность, потенциал художественного текста, духовное содержание литературы, А.П. Чехов, рассказ «Крыжовник», внутренний мир человека, «футлярность», мечта, счастье, творчество.

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE ARTISTIC TEXT (ON THE MATERIAL OF THE STORY BY A.P. CHEKHOV “KRYZHOVNIK”)

© The Author(s) 2021

SATINA Tatyana Vasilyevna, Candidate of philological sciences, associate Professor of the Department
of foreign languages and intercultural communication
Financial University under the Government of the Russian Federation
(125993, Russia, Moscow, 49 Leningradsky Avenue, e-mail: TVSatina@fa.ru)

Abstract. The topic of the article concerns the most important component of didactics - education. An attempt was made using the story of A.P. Chekhov's "Gooseberry" to reveal the possibilities of the moral impact of Russian classical literature on students, which became the purpose of the article. Works of fiction contain spiritual and moral guidelines for many generations of people. The importance of posing moral questions in the works of Russian writers of the 19th century is not lost today, since many of the eternal questions still arise in the minds of the younger generation, and classical literature offers answers to them. To solve specific problems, a detailed, comprehensive analysis of the text of the story "Gooseberry" is carried out - in the context of Russian literature, creativity and biography of A.P. Chekhov. The article proves that, depicting the life of ordinary people, the writer gives a moral assessment of topics new to literature (the impact of the environment on the formation of a person's character and perception of the world; boxiness as a slavery of the soul; the deadly power of the little things of life). The author of the article is convinced that deliberate reading of the story will help students to adjust their attitude to spiritual and moral problems.

Keywords: education, morality, the potential of a literary text, the spiritual content of literature, A.P. Chekhov, the story "Gooseberry", the inner world of man, "boxiness", dream, happiness, creativity.

ВВЕДЕНИЕ.

Основным направлением воспитательной работы в учебных заведениях различного типа выступает нравственная составляющая, развитие молодых людей, направленное на освоение ими гуманистических норм, формирование у них корректной модели нравственного поведения [1, 2, 3]. В напряжённом ритме современной жизни молодой человек, разрываемый разнородными влияниями, подчас теряет ориентиры, утрачивает себя. Обучающиеся могут воспользоваться преимуществами – и для сверки целеустановок обратиться к качественной художественной литературе. Произведения русской классической художественной литературы выдержаны временем, испытаны поколениями. Важно умение читать профессионально: через предметный слой проникать в образный и далее раскрывать идейный смысл.

Несомненно, высокий моральный потенциал произведения обеспечивает ему запас внутренней прочности и устойчивости его существования в культуре. Русская литература – «это нечто неподражаемое, неповторимое, то, что в высокохудожественной форме сосредоточивает огромный познавательный, эмоционально-эстетический и духовный опыт; <...> это произведения, сконцентрировавшие значительные вечные ценности» [4, с. 123-124]. Духовный опыт и воспитательный ресурс заключён не

только в произведении, но и в жизни писателя, поэтому важно изучить определяющие моменты биографии.

В трудах отечественных мыслителей (Н.А. Бердяева [5], В.В. Розанова [6], П.А. Флоренского [7], С.И. Булгакова [8], И.А. Ильина [9], К.Н. Леонтьева [10] и др.) русские писатели традиционной представляют как величайшие гуманисты. Широкая проблематика русской литературы подпитывалась и осмыслялась в разное время философами и психологами разных школ, в том числе зарубежными: Майклом Аргайлом [11], Эрихом Фроммом [12] и др.

Отражению естественного качества русского духа писателями посвящены работы современных учёных: И.И. Виноградова [13], В. Кантора [14], В.Ю. Троицкого [15], Е.И. Дворниковой [16]. Творчество А.П. Чехова глубоко проанализировано в трудах литературоведов и лингвистов, к некоторым из них мы обратились в процессе работы, к книге А.П. Чудакова [17].

МЕТОДОЛОГИЯ.

В статье предпринята попытка раскрыть нравственный потенциал рассказа А.П. Чехова «Крыжовник» в плане воспитательного воздействия на обучающихся, что является целью данной работы. Связанные с целью задачи предусматривают детальный, всесторонний анализ текста рассказа «Крыжовник» для выявления пара-

метров намеченной нами составляющей. В работе были использованы приемы описательного метода, методы анализа и обобщения художественного материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

В 1898 году в журнале «Русская мысль» публикуется текст, который войдёт в мировую сокровищницу изящной словесности и станет знаковым в русской культуре и литературе, – рассказ А.П. Чехова «Крыжовник». Он был вторым в «Маленькой трилогии»: перед ним вышел рассказ «Человек в футляре», а после – «О любви». В рассказе «Крыжовник» ветеринар Иван Иванович в гостях у молодого деятельного помещика рассказывает своим приятелям о том, как его младший брат Николай Иванович всю свою жизнь подчинил одной единственной идее – страстному желанию иметь усадьбу, где будет расти крыжовник, его собственный крыжовник.

Братья, небогатые дворяне, детство провели в деревне, на воле. Николай Иванович вынужден стать чиновником, но через всю эту скучную тоскливую службу пронёс тягу к вольной жизни – и мечту купить имение, поселиться в деревне. В этих его мечтах в усадьбе непременно растёт крыжовник.

Сам Иван Иванович никогда не сочувствовал желанию брата «запереть себя на всю жизнь в собственную усадьбу». Николай же только об этом и думал. Николай копил деньги, из-за денег женился без любви на вдове, некрасивой, но богатой. Он морил жену голодом, а её деньги присвоил. Жена не выдержала таких испытаний и скоро умерла, а Николай, купил всё же имение, нимало не раскаяваясь. Несмотря на то, что покупка была неудачной, он не очень расстроился: главное – крыжовник. Он купил двадцать кустов крыжовника и зажил счастливо. Николай Иванович опустил, расстолтел. Но он счастлив в своей скучной и пустой жизни, всех поучает, ханжески проповедует. Кроткий и робкий от природы, он превращается в ленивого, важного и высокомерного барина, который уже и не помнил, что дед его был мужик, а отец – солдат.

Однажды старший брат впервые приехал к Николаю Ивановичу.

«Иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. <...> Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью <...>. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щёки, нос и губы тянутся вперёд, – того и гляди, хрюкнет в одеяло». Неожиданное преображение! Если мечта приходит к такому воплощению – когда мечтатель и всё, что его окружает, уподобляется свинье, то какова истинная цена такой мечты...

Как раз в этот день к чаю была подана тарелка с первым урожаем крыжовника. *«Николай Иванович засмеялся и минуту глядел на крыжовник молча, со слезами, – он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду, поглядел на меня с торжеством ребёнка, который наконец получил свою любимую игрушку, и сказал:*

- Как вкусно!

И он с жадностью ел и всё повторял:

- Ах, как вкусно! Ты попробуй!»

Ягоды жёсткие и кислые. Но хозяина это не расстраивает. Он потом всю ночь не спал, вставал, подходил к крыжовнику и, растягивая удовольствие, брал по одной ягодке. Помещик чувствует себя вполне счастливым, ведь его мечта полностью сбылась. И он не заметил, как перестал быть человеком. Мечта взяла непомерную плату: съела его человеческую суть. Результат – мутация личности. Прямая перекличка с мыслями И. Канта: «Мораль есть учение не о том, как мы должны сделать себя счастливыми, а о том, как мы должны стать достойными счастья». К сожалению, герой находит лишь иллюзию счастья: его мечта эгоистичная и мелкая, негуманная, пустая. Собственно, герой стал достоин того счастья, о котором возмечтал. А душа – пропала. Умерла. Перешла в разряд гоголевских «мёртвых душ».

Преображение произошло не только с «освиновшим» младшим братом. Старший и прежде не разделял жизненных идеалов младшего, его стремления запереть себя на всю жизнь в усадьбу: *«Уходить <...> и прятаться у себя в усадьбе – это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аришины земли, не усадьба, а весь земной шар <...>»*. Иван Иванович всегда знал, что жить только ради достижения своего эгоистического желания недостойно человека, что человеку нужна вся природа, где он может проявить и раскрыть себя полностью – во благо других. Человек не должен замыкаться в футляре.

Кардинальная перемена произошла в Иване Ивановиче в те часы, когда он был в гостях у брата и наблюдал его почти религиозное, ритуальное поедание вожделенных ягод. В этот момент старший брат духовно прозрел (а Чехов описал это в тексте невероятной силы): *«Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, враньё... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днём едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Всё тихо, спокойно, и протеснует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то вёдер выпито, столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз. Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясётся беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человека с молоточком нет, счастливый живёт себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, – и всё обстоит благополучно»*.

Несуразная жизнь брата, проданная за призрачную мечту, стала причиной обновления Ивана Ивановича, понимания, что счастье довольных людей построено на страдании огромного числа несчастных. Ему открылась страшная истина о равнодушии довольных. Они праздно наслаждаются своими благами, не обращая внимания на страдания большинства – голодных, бедных, больных. Конечно, надо, надо – чтобы кто-то постоянно напоминал бы о болезнях, бедности, потерях стуком молоточка (как это по-чеховски: кто бы напоминал?... что за молоточек?...). Но... *«Но человека с молоточком нет!»* Духовное и нравственное попирается материальным. Благополучие покупается страданием – преимущественно окружающих. Счастливые люди, пребывая под гипнозом своего счастья, не делают главного – добра.

Открытие сражает Ивана Ивановича: *«В ту ночь мне стало понятно, как я тоже был доволен и счастлив». И выхода нет: «Я уже стар и не гожусь для борьбы». И он с мольбой обращается к молодому помещику, у которого они ночуют: «Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чём-то более разумном и великом. Делайте добро!»*

Сам Иван Иванович стал ветеринарным врачом и со-

всем забыл о своём дворянстве. Он всю жизнь честно занимается конкретными и полезными делом, не осознавая, что любимая работа и есть лучший способ наслаждаться жизнью. В этом заблуждении он и тоскует по прошедшей молодости – будто добро можно делать только в молодости. Он тоже попадает в своеобразную ловушку самообмана.

В конце рассказа «Иван Иванович молча разделся и лёг. – Господи, прости нас грешных! – проговорил он и укрывшись с головой». Укрывшись с головой – значит, закрылся в своём футляре?

Попытка пересказать чеховский текст обречена: рассказ не поддаётся прямолинейному истолкованию, материал сопротивляется шаблонной схеме в понимании смыслов. Текст многопланов, многоликий, причудлив в построении. Трудно кратко передать обаяние чеховских строк.

Кроме того, конструкция произведения сложна. Внутритекст несколько самостоятельных микротекстов: это своего рода рассказы в рассказе. Художественные приёмы, применённые в «Крыжовнике», очень показательны для творчества того времени и для А.П. Чехова. Чехов-прозаик развивает традиции русской реалистической прозы XIX в. и в то же время насыщает их элементами символизма и импрессионизма, обогащает актуальными темами и проблемами.

В «Крыжовнике» содержится своеобразный поворот проблем, которые поставлены в произведениях писателей-классиков. На поверхности генетическое родство рассказа с произведениями русской литературы, в которых раскрывается тема чиновничества, маленького человека, накопительства. Особенно сильна связь образа небогатого чиновника-мечтателя о крыжовнике с гоголевскими героями: чиновничьим миром «Шинели», с маленьким человеком – Акакием Акакиевичем Башмачкиным и с утратившим всякие духовные ценности, деградировавшим морально и физически накопителем Плюшкиным.

Талант А.П. Чехова обогатил смыслы родной литературы новым духовным содержанием. Под микроскопом писателя оказались свежие для литературы проблемы, многие получили нешаблонное современное осмысление. Чеховскую нравственную оценку получили новые для литературы темы

- воздействия окружающих на формирование характера и мировосприятия человека;
- жизни человека в футляре;
- духовной деградации человека;
- убийственной силы мелочей жизни, обыденности, пошлости, мещанства.

Основная тема рассказов А.П. Чехова – жизнь обычных людей. Но часто раскрываемый им внутренний мир человека вызывает отращение. Рассказы А.П. Чехова обличают обывателей разных сортов и рангов, пошлость и обыденность тоскливой мещанской жизни. Но и в этом порицании писатель не отходит от присущего ему неординарного нравственного взгляда: тёмные стороны жизни представляются не столько с разоблачающей силой, сколько с определённой долей досады, сожаления.

В рассказе «Крыжовник» люди настолько равнодушны, что даже в обстоятельствах собственной жизни глухи к угрозам, не прочтывают посылаемый им знак беды, не расшифровывают предупреждений – как от них ожидать милосердия по отношению к другим! Обычно прямолинейность не характерна для произведений А. Чехова, мораль выражается им преимущественно мягко, ненавязчиво. Здесь же – крик с призывом не давать усыплять себя, выйти из-под гипноза равнодушия, безразличия, бесчувственности. Нужно увидеть и услышать *«тех, которые страдают»*, проявить сочувствие, сострадание, участие. *«Но человека с молоточком нет, счастливый живёт себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, – и всё обстоит благополучно»*.

Другая важная тема – преображение человека. В рассказе «Крыжовник» с непревзойдённой тонкостью раскрыты механизмы преображения, превращения. Они унаследованы А.П. Чеховым от гоголевского Плюшкина: *«И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизить человек! Мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может стать с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости»*. А ведь Плюшкин не сразу был «прорехой на человечестве», по меткому замечанию Н. Гоголя! Он утратил человеческие качества в процессе накопительства. Гниют спрятанные в амбарах продукты, умирают от голода и нищеты крепостные. И душа этого помещика окончательно мертва. Он теперь – прореха, пустота. А был рачительным хозяином, добрым мужем и отцом.

О преображении человека, его силе и последствиях А. Чехов пишет не отстранённо, а со знанием дела: своего рода метаморфоза произошла и с ним самим. Ведь его отец, дед и предки матери были крепостными, отец в Таганроге держал мелкую лавку, где заставлял торговать и своих детей. Телесные наказания были вполне узаконены в семье, воля отца подавляла и жену, и детей. Каким чудом юноша, оставив позади деспотизм и ложь, превратился в тонкого интеллигентного человека?.. Мерзости жизни не исковеркали его, а чудесным образом возвысили.

Поэтому человек в рассказах А. Чехова может быть разным: он может быть нравственным, возвышенным – с одной стороны, но и способным к полной деградации – как герой рассказа «Крыжовник», – с другой.

Ещё один нравственный мотив рассказа – мечта. Мотив иллюзорной мечты у автора появился задолго до рассказа «Крыжовник»: в написанном в 1886 году рассказе «Мечты». Но в анализируемом рассказе более явно проглядывает традиционная гоголевская подкладка – мечта героя повести «Шинель». Когда у Акакия Акакиевича Башмачкина изнасилась шинель, он посвятил себя одной мечте – приобрести новую шинель. Вся жизнь главного героя тоже проходит в убогом мире канцелярии. Отупляющая, обесчеловечивающая бюрократическая рутина превращает живых людей в автоматы; она губительно воздействует на душу человека, чудовищно обедняет и извращает его жизнь. Именно в таких условиях у человека может зародиться страсть – странная для других, губительная для него. Н. Гоголь постепенно приводит читателей к ощущению ужасающих глубин, скрывающихся под тинной мелочей застойной повседневной жизни. За этой пошлой повседневностью жизни Акакия Акакиевича (думается, здесь сформировалась и одна из главных чеховских тем в будущем – тема пошлости), за юмористической тональностью неспешного обстоятельного повествования не сразу обнаруживаются незримые миру слёзы. Шинель заменила Акакию Акакиевичу весь мир, вот что происходит, если желание превращается в страсть. Мечта Башмачкина не была иллюзорной. Она осуществилась. Но её тут же отобрали у «маленького человека», забитого чиновника: его ограбили – и он лишился шинели. И лишился жизни. Казалось бы, судьба мечты Николая Николаича Чимши-Гималайского не такая трагическая. Однако же мечта его – пустая, недостойная, обманная: он положил на этот крыжовник всю жизнь, а крыжовник в реальности кислый и жёсткий, как ни обманывай себя.

Всё же главным мотивом рассказа следует считать мотив счастья.

Счастье – это абстрактное понятие, теоретический конструкт. Существуют исследования, цель которых – выяснить, что, по мнению людей, делает их счастливыми или несчастными. Так, Майкл Аргайл, один из самых ярких и примечательных учёных в британской психологии XX века, написал книгу «Психология счастья», в которой представил и обобщил собранные им опросные материалы. Он установил, что «счастье – еди-

ный фактор человеческого опыта, однако оно состоит по крайней мере из трех, отчасти независимых, факторов: удовлетворенности жизнью, положительных эмоций и отсутствия отрицательных эмоций. <...> Существуют хорошо зарекомендовавшие себя методы оценки счастья [11, с. 33]. <...> Люди, по-видимому, прекрасно понимают, что значит счастье. Они имеют довольно четкое представление о его связи с позитивными эмоциями и удовлетворенностью жизнью» [11, с. 16]. Другая составляющая счастья описана в книге «Иметь или быть?»: изданная в 1976 году поздняя работа психоаналитика и философа Эриха Фромма, посвящена вопросам духовной сферы человека [12]. Он пишет, что вместо «быть» люди всё чаще выбирают «иметь», перспективы безграничного счастья и свободы отдают за материальное изобилие и господство над природой. Но «иметь» не принесло счастья ни Акакию Акакиевичу, ни Плюшкину, ни герою «Крыжовника».

«Не уставайте делать добро!» – вот формула счастья по А. Чехову. Художественная форма более успешна в представлении счастья, чем научные труды, ведь художественная литература – это духовный процесс, динамичная структура объяснения и изменения мира. Образными средствами текста и подтекста А. Чехов показывает ничтожность мещанского, эгоистичного счастья – ощутимого, материального, которое можно попробовать буквально на вкус, но ложного, фиктивного.

Идея краха мечты о мнимом, поддельном счастье и победе духовного начала вызревает у писателя не сразу. Во время работы заострится тема разоблачения мнимого, ложного, «футлярного» представления о счастье, углубляется трагизм мелочей жизни.

Этому посвящена вся «маленькая трилогия». Будь рассказ самостоятельным произведением, он мог быть написан так, как складывался в набросках. Но расположенный в середине трилогии, объединенный с другими действующими лицами образами рассказчиков, проблематикой, структурой («рассказ в рассказе») рассказ должен был трансформироваться: он полноценно выражает заложенный в нём потенциал только в запрограммированном автором контексте: в трилогии, насыщенной притчевыми элементами. Лейтмотив «футлярности» героев объединяет эти рассказы. Впрочем, идея «футлярности» получает в трилогии органическое развитие – трилогия имеет так называемый открытый (не «футлярный») конец: писатель даёт читателю надежду.

Герой первого рассказа – «Человека в футляре» – умирает, ничего вокруг не меняется, он только освобождаёт окружающих от своего несносного, душающего присутствия. В «Крыжовнике» главный герой осуществляет свою мечту, он счастлив, но не осознаёт, какой ценой он достиг счастья, не догадывается о своей утрате: умерщвлении души. В заключительном рассказе «О любви» главный герой не умирает. Писатель дарит ему возможность осознать свою трагическую ошибку: уединённое «футлярное» существование отвергнувших любовь людей – тоже несчастье! Глубокий смысл пагубной «футлярности» здесь проявляется в том, что герой не откликнулся на зов сердца, не прислушался к душе, а руководствовался исключительно материальным и рациональным.

ВЫВОДЫ.

Восприятие и изучение произведений русской литературы в её духовно-нравственном аспекте не только не теряет своей актуальности, но и приобретает особую остроту в условиях нового времени, на переломе эпох. В полной мере мировые гуманистические идеи выражены в произведениях главных русских писателей, ставших основой культурной и духовной базы русского человека. Высокий духовно-нравственный потенциал заложен и в рассказе А.П. Чехова «Крыжовник», что было нами показано в данной работе. Рассказ пронизан прогрессивными идеями, свойственными рубежу веков.

У А.П. Чехова своя система ценностей, своя точка

зрения на мир и человека. Но рассказ фокусирует прогрессивные темы и идеи предшествующей русской литературы и прогнозирует духовные смыслы будущего. В своеобразной форме, близкой к притче, писатель изображает бездуховность приобретательства, скудость материальной мечты, угрозу равнодушия. Его герои в поисках цели жизни часто застревают в мелочах жизни, превращаются в безнравственных, бездушных людей, прозябающих в «футляре». Отечественная литература часто выступала в качестве не только духовного учителя, но и духовного врача. Обличая и порицая, А.П. Чехов даёт человеку надежду. В этом смысле его творчество помогает выполнять стратегическую задачу современной системы образования – передать духовно-нравственное достояние, оставленное великой русской литературой, молодому поколению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Валеева Е.В. Гуманитарное образование сегодня: поиски новой методологии // Образовательные технологии. – 2017. – № 1. – С. 33-41.
2. Копылова О.Ю., Молокостова А.М., Якиманская И.С. Ценностные ориентации и социальная адаптация студентов, ведущих клубный образ жизни // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 345-347.
3. Юсупов М.М. Ценностные установки студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №10 (1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-ustanovki-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения 14.11.2020).
4. Троцкий В.Ю. Словесность в школе: учителю-словеснику: книга для преподавателей русской филологии. – М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2015. – 431 с.
5. Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: Азбука-Аттикус, 2015. – 320 с.
6. Розанов В.В. Полное собрание сочинений. В 35-ти т. – Т.1 О писательстве и писателях. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Статьи 1889-1900 гг. – СПб.: Росток СПб, 2014. – 1104 с.
7. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 328 с.
8. Булгаков С.И. Дела и Дни: Статьи 1903-1944. Мемуарная и дневниковая проза. – М.: Собрание, 2008. – 544 с.
9. Ильин И.А. Книга раздумий. Являюсь в жизнь. – Беларусь: Белорусская Православная Церковь, 2015. – 287 с.
10. Леонтьев К.Н. О романах Л.Н. Толстого. Анализ, стиль и вехи. Критический этюд. – М.: URSS, 2014. – 166 с.
11. Аргайл М. Психология счастья. – СПб.: Питер, 2003. – 272 с.
12. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: ACT, Neoclassic, 2018. – 320 с.
13. Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. – М.: Русский путь, 2005. – 672 с.
14. Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 600 с.
15. Троцкий В.Ю. В поисках пути праведного. Словесность в школе: книга для преподавателей русской филологии. – М.: Владос, 2000. – 432 с.
16. Дворникова Е.И. Духовно-нравственные ценности русской классической литературы // Искусство и образование. – 2011. – №1. – С. 6-32.
17. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. – 701 с.

Статья поступила в редакцию 19.10.2020

Статья принята к публикации 27.05.2021